

УДК 347.736

DOI: 10.34670/AR.2026.38.18.068

Критерии квалификации недобросовестного поведения гражданина-должника при решении вопроса об освобождении от обязательств

Соколов Максим Владимирович

Магистр,

Московский университет «Синергия»,

129090, Российская Федерация, Москва, ул. Мещанская, 9/14;

e-mail: maxim.sokoloff2010@gmail.com

Аннотация

Пункт 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве перечисляет случаи, в которых суд не применяет правило об освобождении гражданина от обязательств, но не раскрывает признаков недобросовестного поведения, из-за чего сходные обстоятельства получают в практике несовпадающую оценку. Работа выделяет проверяемые критерии такой квалификации и устанавливает зависимость объёма отказа от того, какой критерий сработал. Изучены п. 3–6 ст. 213.28 и п. 2 ст. 223.6 названного закона в редакции, действующей на 14 сентября 2026 г., п. 3 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ, разъяснения п. 45 и 46 постановления Пленума ВС РФ № 45, тезисы раздела VI Обзора Президиума ВС РФ от 18 июня 2025 г. и четыре определения ВС РФ; применены формально-юридический анализ, систематическое и телеологическое толкование, сравнение судебной и внесудебной процедур. Выделены пять критериев, которыми служат адресат нарушенной обязанности и момент её нарушения, умышленный характер действия, исключительность сведений, находившихся у должника, связь поведения с возникновением требования или с формированием конкурсной массы, существенность искажения для решения кредитора либо для хода процедуры. Совокупность критериев отделяет недобросовестность от неосмотрительности при принятии долговых обязательств и обосновывает сохранение непогашенным лишь того требования, в отношении с которым установлено умышленное незаконное действие.

Для цитирования в научных исследованиях

Соколов М.В. Критерии квалификации недобросовестного поведения гражданина-должника при решении вопроса об освобождении от обязательств // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 475-482. DOI: 10.34670/AR.2026.38.18.068

Ключевые слова

Банкротство гражданина, освобождение от обязательств, недобросовестное поведение, заведомо ложные сведения, злоупотребление правом, конкурсный кредитор, судебное толкование.

Введение

Освобождение гражданина от дальнейшего исполнения требований кредиторов завершает процедуру реализации имущества и определяет её итоговый смысл для должника. Пункт 4 ст. 213.28 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» перечисляет случаи, когда суд это правило не применяет, однако признаков недобросовестного поведения норма не раскрывает. Закон называет отдельные действия, среди которых сокрытие имущества, предоставление кредитору заведомо ложных сведений при получении кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, и оставляет их оценку суду. Поэтому рост числа кредитов перед обращением в суд, неточность анкетных данных или отчуждение имущества накануне возбуждения дела получают в практике несовпадающую оценку [Шайхутдинов, 2020; Мубинов, 2025].

Требование добросовестности закреплено в п. 3 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ как общее начало осуществления прав, а его содержание раскрывается через поведение, ожидаемое от участника оборота [Коновалов, 2016]. Абстрактность этого начала допускает разное наполнение в зависимости от института, к которому оно применяется [Зайцева, 2020]; на несовпадение недобросовестности с составом гражданского правонарушения обращает внимание А.В. Яровой [Яровой, 2025]. Для дела о банкротстве гражданина различие существенно. Общее начало служит ориентиром толкования, а отказ в освобождении от обязательств [Надежин, 2026] образует специальное последствие с описанным в законе составом. Смешение двух уровней ведёт к тому, что суд оценивает добросовестность должника в целом, минуя проверку конкретного состава.

Отсюда исследовательский вопрос: какие признаки поведения гражданина-должника закон и сложившееся судебное толкование связывают с отказом в освобождении от обязательств и чем эти признаки отличаются от неосмотрительности при принятии долговых обязательств. Задача работы состоит в том, чтобы выделить такие признаки в виде системы критериев, проверить их по правовым позициям Верховного Суда Российской Федерации и показать, как сработавший критерий предопределяет объём отказа.

Материалы и методы исследования

Нормативную основу работы образуют п. 3–6 ст. 213.28 и п. 2 ст. 223.6 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ в редакции, действующей на 14 сентября 2026 г., а также п. 3 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ. К ним добавлены разъяснения, данные в п. 45 и 46 постановления Пленума ВС РФ от 13 октября 2015 г. № 45 (в редакции от 17 декабря 2024 г.), и тезисы п. 55, 56, 59, 60, 62 и 63 раздела VI Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан, утверждённого Президиумом ВС РФ 18 июня 2025 г. Использованы также четыре определения ВС РФ, которыми пересматривались акты о применении либо неприменении правила об освобождении. Единицей анализа выступает отдельное нормативное предписание либо выраженная судом правовая позиция о поведении должника. Судебные акты взяты при выполнении двух условий. Предметом спора служит применение п. 4 ст. 213.28, а позиция выражена коллегией ВС РФ. Реквизиты каждого акта сверены по его официальному тексту.

Применён формально-юридический анализ диспозиций с последующим систематическим и телеологическим толкованием норм, дополненный сравнением судебной и внесудебной процедур по объёму оснований отказа. Порядок операций был следующим. Сначала абзацы

второй–четвёртый п. 4 ст. 213.28 разложены по трём признакам, которыми служат адресат нарушенной обязанности, момент совершения действия и описанная в диспозиции форма вины. Затем полученное разграничение соотнесено с общим требованием добросовестности, чтобы установить, создаёт ли оно самостоятельное основание отказа. Далее каждый признак сверен с разъяснениями Пленума, тезисами Обзора и мотивами отобранных определений. Расхождение между признаком и позицией суда потребовало бы отказаться от признака. Наконец, система критериев применена к двум спорным ситуациям – последовательному наращиванию кредиторской задолженности и завышению сведений о доходе в кредитной анкете, – чтобы проверить, даёт ли она различающий результат. Приёмы доказывания недобросовестности, описанные в процессуальной науке [Борисова, 2023], использованы при определении того, какая сторона несёт риск недоказанности признака.

Результаты и обсуждение

Пункт 4 ст. 213.28 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ устанавливает три самостоятельных основания отказа, которые различаются не тяжестью поведения, а юридической конструкцией состава. Абзац второй требует вступившего в законную силу судебного акта о привлечении гражданина к уголовной или административной ответственности за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное либо фиктивное банкротство, причём совершённые в том же деле; здесь суд не оценивает поведение заново, а опирается на состоявшуюся ранее квалификацию. Абзац третий описывает непредоставление необходимых сведений или предоставление заведомо недостоверных сведений финансовому управляющему либо арбитражному суду. Абзац четвёртый охватывает незаконные действия при возникновении или исполнении обязательства, на котором конкурсный кредитор основывал своё требование [Шайхутдинов, 2020].

Три состава обращены к разным лицам и к разным моментам. Отсюда первый критерий: кому адресована нарушенная обязанность и когда она нарушена. Абзац третий описывает процедурную недобросовестность, где обязанность раскрыть сведения существует перед финансовым управляющим и судом внутри дела о банкротстве. Абзац четвёртый относится к доконкурсному поведению, где обязанность не вводить контрагента в заблуждение существует перед конкретным кредитором и нарушается до возбуждения дела. Системное подтверждение даёт норма о внесудебном порядке. Пункт 2 ст. 223.6 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ применяет к завершённой внесудебной процедуре только абзацы второй и четвёртый п. 4 ст. 213.28, оставляя абзац третий за пределами отсылки. Законодатель исключил из внесудебного порядка то основание, которое предполагает отношения с финансовым управляющим и арбитражным судом, а таких отношений в этой процедуре нет [Шайхутдинов, 2023]. Разграничение по адресату, следовательно, не является доктринальным допущением и прямо заложено в тексте закона.

Второй критерий – форма вины, описанная в диспозиции. Абзацы третий и четвёртый построены на признаках заведомости и умысла. Закон говорит о заведомо недостоверных сведениях, о заведомо ложных сведениях при получении кредита, о злостном уклонении и об умышленном уничтожении имущества. Неосторожное искажение в эти формулировки не укладывается. В определении Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2025 г. № 301-ЭС24-13995 квалификация поведения должника как незаконного поставлена в зависимость от умышленного характера действий, а сообщение недостоверных сведений без признака заведомой ложности признано не отвечающим этому условию. Тот же подход выражен в

определении Верховного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-25685, где суд потребовал устанавливать направленность воли должника и не ограничиваться констатацией объективной противоправности. Пункт 59 раздела VI Обзора от 18 июня 2025 г. добавляет, что неполнота или противоречивость сведений, сообщённых кредитору при возникновении обязательства, сами по себе основанием для отказа не служат. Недобросовестность здесь не совпадает с составом гражданского правонарушения, и умысел устанавливается отдельно [Яровой, 2025].

Третий критерий – доступность сведений кредитору. Заведомо ложное сообщение приобретает правовое значение тогда, когда контрагент не мог проверить сведения доступными ему средствами. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 июня 2019 г. № 305-ЭС18-26429 признаёт последовательное наращивание кредиторской задолженности недобросовестным поведением лишь в случаях сокрытия сведений или сообщения недостоверной информации, тогда как необъективная оценка гражданином собственных финансовых возможностей препятствием к освобождению не является. Обоснование опирается на положение кредитной организации как профессионального участника рынка, располагающего средствами проверки платёжеспособности заёмщика. Пункт 55 раздела VI Обзора от 18 июня 2025 г. продолжает эту линию: использование кредита на отличающиеся от договорных цели само по себе о недобросовестности не свидетельствует, а целевое назначение поддаётся контролю кредитора. Распределение риска недоказанности следует за доступностью сведений. Кредитор доказывает заведомость [Борисова, 2023], а должник раскрывает то, что мог раскрыть только он.

Четвёртый критерий – функциональная связь поведения с возникновением требования либо с состоянием конкурсной массы. Абзац четвёртый прямо привязывает незаконное действие к возникновению или исполнению того обязательства, на котором основано требование; абзац третий – к возможности установить имущественное положение гражданина в процедуре, поскольку сохранность конкурсной массы зависит от раскрытия сведений самим должником [Пыльнев, 2026]. Пункт 56 раздела VI Обзора от 18 июня 2025 г. подтверждает необходимость такой связи, поскольку длительное неудовлетворение требований кредитора злостным уклонением само по себе не признаётся. В определении Верховного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 310-ЭС17-14013 к должнику предъявлены повышенные требования добросовестности, включающие честное сотрудничество с финансовым управляющим и кредиторами и раскрытие источников дохода.

Пятый критерий – значимость искажения, то есть его способность повлиять на решение кредитора о предоставлении средств либо на ход процедуры. Пункт 45 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45 разрешает устанавливать обстоятельства неосвобождения в рамках любого обособленного спора, а п. 46 того же постановления допускает пересмотр определения о завершении реализации имущества, если такие обстоятельства выявлены позднее. Процессуальная широта проверки делает содержательный отбор значимых искажений необходимым, иначе любое расхождение в анкете становится поводом вернуться к завершённому делу.

Соотношение выведенных критериев с общим началом требует отдельного пояснения. Пределы осуществления прав закреплены в ст. 10 ГК РФ, которая определяет запрет заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав и действий в обход закона с противоправной целью, а последствием называет отказ в защите права полностью или частично. Пункт 4 ст. 213.28 регулирует тот же вопрос применительно к завершению банкротства гражданина и описывает составы с большей степенью определённости. Из соотношения общей

и специальной норм следует, что ссылка на ст. 10 ГК РФ не создаёт шестого, самостоятельного основания отказа. Она объясняет цель специальных составов и помогает толковать признак заведомости [Коновалов, 2016], не заменяя его установление [Зайцева, 2020]. Обобщённая формула о недобросовестности должника, не привязанная к абзацу п. 4, оставляет вывод суда непроверяемым и лишает институт освобождения предсказуемости, без которой баланс интересов должника и кредиторов [Коротаев, 2024] не поддерживается. Судебное толкование выполняет здесь восполняющую функцию [Фокин, 2026] и потому нуждается в устойчивых опорах [Бояринова, 2025].

Из различия адресатов вытекает правило выбора последствия. Основания абзацев второго и третьего обращены к процедуре в целом, поэтому установленное по ним нарушение исключает освобождение от всех обязательств. Основание абзаца четвёртого привязано к обязательству конкретного кредитора, и его логика допускает сохранение долга только перед этим кредитором; такую возможность подтверждает п. 63 раздела VI Обзора от 18 июня 2025 г., признающий частичное освобождение допустимым, тогда как п. 62 относит к безусловным случаям принятие обязательств без намерения их исполнять.

Проверка на спорных ситуациях подтверждает различающую силу критериев. Последовательное наращивание задолженности само по себе состава не образует, поскольку отсутствуют заведомо ложное сообщение, исключительное владение сведениями и связь с конкретным обязательством, а неосмотрительность заёмщика к недобросовестности не приравнивается. Различие в природе долгов гражданина отмечает и Е.М. Шайхутдинов [Шайхутдинов, 2023]. Завышение дохода в кредитной анкете, напротив, состав образует, но лишь при доказанной заведомости, недоступности действительных сведений для банка и значимости искажения для решения о выдаче кредита, а последствием служит сохранение требования этого банка, не отказ в освобождении от всех долгов. Предложенное разграничение опровергалось бы, если бы суды отказывали в освобождении при неосторожном искажении сведений либо распространяли последствие абзаца четвёртого на требования всех кредиторов; действующие позиции Верховного Суда Российской Федерации такого прочтения не дают. Сходную технику показывает институт исковой давности, где недобросовестность стороны влечёт отказ в применении выгодного ей правила [Власов, Двалишвили, 2021] без общего поражения в правах. В правовых порядках Европейского союза списание долгов также увязывается с добросовестностью заявителя, и различие проводится по характеру поведения, а не по размеру непогашенного долга [Jokubauskas, 2023].

Заключение

Толкование п. 4 ст. 213.28 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ, соотнесённое с п. 2 ст. 223.6 того же закона, ст. 10 ГК РФ, разъяснениями Пленума и тезисами Обзора 2025 года, даёт пять признаков недобросовестного поведения гражданина-должника, а их состав таков. Это круг лиц, перед которыми нарушена обязанность, и время нарушения; умысел, выраженный признаком заведомости; недоступность сведений для кредитора; функциональная связь действия с требованием либо с конкурсной массой; значимость искажения. Признаки проверяются последовательно, и отсутствие любого из них означает, что состав не установлен.

Первый признак определяет и объём последствия. Нарушение обязанностей перед судом и финансовым управляющим исключает освобождение полностью, а незаконное действие в отношениях с отдельным кредитором оставляет непогашенным только его требование. Применение системы к наращиванию задолженности и к завышению дохода в кредитной анкете

даёт различающий результат. Первая ситуация состава не образует, вторая образует его при доказанных умысле, недоступности сведений и значимости искажения. Предложенный порядок проверки позволяет мотивировать отказ в освобождении через конкретный абзац нормы, а не через общую оценку добросовестности должника.

Библиография

1. Борисова Л.В. О доказывании недобросовестности должника и защите прав и законных интересов кредиторов по делам о несостоятельности (банкротстве) граждан // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 8. С. 38–41. DOI: 10.18572/1812-383X-2023-8-38-41
2. Бояринова В.И. Презумпция неплатежеспособности в свете новых разъяснений Верховного Суда РФ // Юрист. 2025. № 4. С. 51–56. DOI: 10.18572/1812-3929-2025-4-51-56
3. Власов А.А., Двалишвили Л.З. Недобросовестность ответчика как основание неприменения судом срока исковой давности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 4. С. 1056–1068. DOI: 10.21638/spbu14.2021.415
4. Зайцева Н.В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 3. С. 476–501. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-476-501
5. Коновалов А.В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 4–14. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.4.4.14
6. Кортаев Р.А. Дефиниция понятия баланса интересов кредиторов и должника в деле о несостоятельности (банкротстве) // Российский судья. 2024. № 9. С. 2–4. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-9-2-4
7. Мубинов Д.Д. Правовые аспекты отказа в освобождении гражданина-банкрота от исполнения обязательств // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 7. С. 40–44. DOI: 10.18572/1812-383X-2025-7-40-44
8. Надежин Н.Н. Освобождение гражданина от обязательств при банкротстве: стандарт добросовестного поведения // Хозяйство и право. 2026. № 9. С. 25–35. DOI: 10.18572/0134-2398-2026-9-25-35
9. Пыльнев Ю.А. Должник и кредиторы как гражданско-правовое сообщество: к вопросу о моделях ответственности в банкротстве // Российский судья. 2026. № 2. С. 17–22. DOI: 10.18572/1812-3791-2026-2-17-22
10. Фокин Е.А. Судебные доктрины в сфере банкротства // Lex russica. 2026. Т. 79. № 8. С. 137–156. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.137-156
11. Шайхутдинов Е.М. Актуальные проблемы правового регулирования внесудебного банкротства гражданина // Юрист. 2023. № 11. С. 47–51. DOI: 10.18572/1812-3929-2023-11-47-51
12. Шайхутдинов Е.М. О необходимости дифференцированного подхода к долгам гражданина-банкрота // Хозяйство и право. 2023. № 7. С. 44–53. DOI: 10.18572/0134-2398-2023-7-44-53
13. Шайхутдинов Е.М. Отказ в освобождении гражданина от обязательств по завершении процедуры банкротства // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 10. С. 65–71. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.065-071
14. Яровой А.В. Добросовестность: проблемы доктринального определения и практического применения // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 7. С. 83–93. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.083-093
15. Jokubauskas R. The concept of a fresh start in the discharge of debt procedure in European Union insolvency law // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 2023. Vol. 30. No. 5. Pp. 597–622. DOI: 10.1177/1023263X231217107

Criteria for Qualifying the Bad-Faith Behavior of a Citizen-Debtor When Deciding on Release from Obligations

Maksim V. Sokolov

Master,
Moscow University "Synergy",
129090, 9/14, Meshchanskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: maxim.sokoloff2010@gmail.com

Sokolov M.V.

Abstract

Paragraph 4 of Art. 213.28 of the Bankruptcy Law lists the cases in which the court does not apply the rule on releasing a citizen from obligations, but does not disclose the attributes of bad-faith behavior, which is why similar circumstances receive inconsistent assessment in practice. The work identifies verifiable criteria for such qualification and establishes the dependence of the scope of refusal on which criterion was triggered. Paragraphs 3–6 of Art. 213.28 and para. 2 of Art. 223.6 of the said law in the version in force as of September 14, 2026, para. 3 of Art. 1 and Art. 10 of the Civil Code of the Russian Federation, the explanations of paras. 45 and 46 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 45, the theses of Section VI of the Review of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of June 18, 2025, and four rulings of the Supreme Court of the Russian Federation have been studied; formal-legal analysis, systematic and teleological interpretation, and comparison of judicial and extrajudicial procedures have been applied. Five criteria are identified, which are the addressee of the violated obligation and the moment of its violation, the intentional nature of the action, the exclusivity of the information held by the debtor, the connection of the behavior with the emergence of the claim or with the formation of the bankruptcy estate, and the materiality of the distortion for the creditor's decision or for the course of the procedure. The set of criteria separates bad faith from imprudence in assuming debt obligations and substantiates the retention as unrepaid of only that claim in relations with which an intentional unlawful action has been established.

For citation

Sokolov M.V. (2026) Kriterii kvalifikatsii nedobrosovestnogo povedeniya grazhdanina-dolzhnika pri reshenii voprosa ob osvobozhdenii ot obyazatel'stv [Criteria for Qualifying the Bad-Faith Behavior of a Citizen-Debtor When Deciding on Release from Obligations]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 475–482. DOI: 10.34670/AR.2026.38.18.068

Keywords

Citizen's bankruptcy, release from obligations, bad-faith behavior, knowingly false information, abuse of right, competing creditor, judicial interpretation.

References

1. Borisova, L. V. (2023). On Proving the Bad Faith of a Debtor and the Protection of the Rights and Legitimate Interests of Creditors in Cases of Insolvency (Bankruptcy) of Citizens. *Arbitrazh and Civil Procedure*, no. 8, pp. 38–41. DOI: 10.18572/1812-383X-2023-8-38-41
2. Boyarinova, V. I. (2025). Presumption of Insolvency in Light of New Clarifications from the Russian Supreme Court. *Jurist*, no. 4, pp. 51–56. DOI: 10.18572/1812-3929-2025-4-51-56
3. Fokin, E. A. (2026) Judicial Doctrines in the Field of Bankruptcy. *Lex russica*, vol. 79, no. 8, pp. 137–156. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.137-156
4. Jokubauskas, R. (2023). The Concept of a Fresh Start in the Discharge of Debt Procedure in European Union Insolvency Law. *Maastricht Journal of European and Comparative Law*, vol. 30, no. 5, pp. 597–622. DOI: 10.1177/1023263X231217107
5. Konovalov, A. V. (2016). Bona Fides Principle in the Updated Russian Federation Civil Code and in Judicial Practice. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, no. 4, pp. 4–14. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.4.4.14
6. Korotaev, R. A. (2024). Definition of the Concept of Balance of Interests of Creditors and Debtor in Insolvency (Bankruptcy) Proceedings. *Russian Judge*, no. 9, pp. 2–4. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-9-2-4
7. Mubinov, D. D. (2025). Legal Aspects of the Refusal to Discharge a Bankrupt Citizen from the Performance of Obligations. *Arbitrazh and Civil Procedure*, no. 7, pp. 40–44. DOI: 10.18572/1812-383X-2025-7-40-44

-
8. Nadezhin, N. N. (2026) Release of a Citizen from Obligations in Bankruptcy: The Standard of Good Faith Conduct. *Economy and Law*, no. 9, pp. 25–35. DOI: 10.18572/0134-2398-2026-9-25-35
 9. Pylnev, Yu. A. (2026) The Debtor and Creditors as a Civil Law Community: On the Issue of Liability Models in Bankruptcy. *Russian Judge*, no. 2, pp. 17–22. DOI: 10.18572/1812-3791-2026-2-17-22
 10. Shaykhutdinov, E. M. (2020). Refusal to Discharge of Obligations upon Completion of Bankruptcy Proceedings. *Actual Problems of Russian Law*, vol. 15, no. 10, pp. 65–71. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.065-071
 11. Shaykhutdinov, E. M. (2023). On the Need for a Differentiated Approach to the Debts of a Bankrupt Citizen. *Economy and Law*, no. 7, pp. 44–53. DOI: 10.18572/0134-2398-2023-7-44-53
 12. Shaykhutdinov, E. M. (2023). Topical Issues of the Legal Regulation of Out-of-Court Bankruptcy of a Citizen. *Jurist*, no. 11, pp. 47–51. DOI: 10.18572/1812-3929-2023-11-47-51
 13. Vlasov, A. A., Dvalishvili, L. Z. (2021). Defendant's Bad Faith as a Basis for the Court's Non-Application of Limitation of Action. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, vol. 12, no. 4, pp. 1056–1068. DOI: 10.21638/spbu14.2021.4.15
 14. Yarovoy, A. V. (2025). Good Faith: Issues of Doctrinal Definition and Practical Application. *Actual Problems of Russian Law*, vol. 20, no. 7, pp. 83–93. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.083-093
 15. Zaytseva, N. V. (2020). The Principle of Good Faith and Its Impact on the Qualification of Legal Relations. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, no. 3, pp. 476–501. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-476-501